

В О Е Н Н Ы Й Б Е С Т С Е Л Л Е Р

ТАНКИ В ПЛЕН
НЕ СДАЮТСЯ

«АЛЬФА»

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Александр Александрович Тамоников
Танки в плен не сдаются
Серия «Группа «Альфа».
Основано на реальных событиях»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36626174
Танки в плен не сдаются: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-093712-7

Аннотация

Пронзительная правда о войне от участника боевых действий. Суммарный тираж книг автора – около 10 миллионов экземпляров.

В Сирии на стороне правительственных войск воюет российский экипаж танка Т-90 под командованием капитана Станислава Иволгина. В ходе одной из операций боевики захватывают машину и начинают готовить провокацию против мирного населения. Российскому командованию надо любой ценой вернуть захваченный танк и освободить экипаж из плена. Такая сложная задача по силам только группе спецназа «Альфа» подполковника Авилова. Подразделение начинает скрытно выдвигаться в оккупированный боевиками район, и в это же самое время Иволгин и его танкисты решают прорываться к своим самостоятельно...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Александр Тамоников

Танки в плен не сдаются

© Тамоников А.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Московская область, поселок Анинск, 25 июля. Расположение N-ского танкового полка.

Общая часть ежедневного совещания командного состава, проводимого в офицерском клубе, подходила к завершению. Выступили заместитель командира части, а потом и он сам.

В 16:30 командир полка подполковник Галаев объявил:
– Прапорщики свободны!

Совещание проходило по стандартному сценарию, как обычно. Сначала в зале клуба собирались все офицеры и прапорщики, затем там оставались командиры подразделений, начальники служб и их заместители. К семнадцати часам все должно было быть закончено. Но сегодня совещание грозило затянуться.

После того как из зала вышли прапорщики, из-за стола, стоявшего на сцене, поднялся заместитель командира полка по вооружению.

– Лейтенант Ивасюк! – позвал он.

В средних рядах встал молодой офицер, оправил форму.

– Я, товарищ майор!

Заместитель по вооружению обратился к командиру полка:

– Товарищ подполковник, довожу до вашего сведения, что

вчера лейтенант Ивасюк был снят с дежурства по парку боевых машин по причине нахождения в нетрезвом состоянии.

Галаев посмотрел на младшего офицера и спросил:

– В чем дело, лейтенант?

– Виноват, товарищ подполковник!

– Виноват, говоришь? – Галаев перевел взгляд на командира батальона и осведомился: – В чем дело?

Тому тоже пришлось встать.

– Я обязательно разберусь, товарищ подполковник, и доложу рапортом, – сказал он.

Галаев опять посмотрел на младшего офицера и заявил:

– Виноват, значит? Как ты мог пить в наряде? У тебя же оружие, на тебе ответственность за сохранность техники, не взятой под охрану караула! Что это за детский сад?

Ивасюк вздохнул и проговорил:

– Да я, товарищ подполковник, и выпил-то всего бутылку пива. Вполне мог продолжить несение службы. Запах от меня шел, не спорю, но пьяным я не был. Это и солдаты наряда подтвердить могут, и начальник контрольно-технического пункта.

– По-твоему выходит, что заместитель по вооружению напрасно снял тебя с наряда?

– Скажу одно, товарищ подполковник. Я мог нести службу. Если бы майор Кузнецов зашел в парк не сразу после отбоя, а часа через два, то ничего и не заметил бы.

По залу прошел смешок.

Командир повысил голос:

– Отставить хохотушки! Тоже мне, цирк нашли.

Он повернулся к заместителю по вооружению майору Кузнецову и заявил:

– Слышал, Игорь Викторович? Оказывается, тебе надо было согласовать время визита с дежурным по парку. Ты что, совсем обнаглел, лейтенант?

Что мог ответить взводный командиру полка? Разумеется, он промолчал.

Галаев приказал комбату:

– Разобраться, доложить, наказать своей властью!

– Есть! – выдохнул комбат.

Командир полка оглядел заместителей и спросил:

– У вас есть еще что-нибудь?

Те ответили, что нет.

Поднялся заместитель по воспитательной работе, но не успел ничего сказать.

В зал вошел помощник дежурного по полку и доложил:

– Товарищ подполковник, прибыл командир дивизии генерал-майор Коненко. Он ждет вас у штаба.

– Всем оставаться на местах! – отдал команду Галаев и вместе с заместителями пошел на выход.

На улице было еще жарко. Генерал в рубашке расхаживал у входа в штаб. Из окна с тревогой поглядывал на него дежурный по части. Он прекрасно знал, что комдив просто так

не придет, тем более без предупреждения, ждал его распоряжений. Однако генерал просто прохаживался у штаба, заложив руки за спину, встал у клумбы, недовольно покачал головой.

К нему подбежал Галаев.

– Товарищ генерал-майор!..

Коненко отмахнулся и заявил:

– Отставить! Знаю, что происшествий не случилось, иначе меня уже предупредили бы. А вот за цветами, Руслан Маратович, смотреть и ухаживать надо.

– Не понял, – с удивлением произнес Галаев.

– Ты когда из штаба выходишь, на клумбы смотришь?

– На клумбы? Да как-то не до того мне.

– Вот именно, да как-то. Цветы-то вянут. Зачем тогда их сажать?

– Цветы исправим.

Генерал вздохнул и проговорил:

– Пересаживать придется, но уже весной. А сейчас прикажи убрать отсюда это позорище. Вместо цветов надо звезды из камня выложить или дерном закрыть.

– Есть!

Позади командира полка в шеренгу выстроились заместители.

Командир дивизии распорядился:

– Начальнику штаба остаться! Остальные – по рабочим местам.

– У нас совещание.

– Значит, надо закончить его.

Галаев повернулся к заместителям.

– Майор Кузнецов, отправить офицеров по местам занятий и работ!

– Есть!

Генерал с командиром полка и начальником штаба майором Дроновым вошли в здание, отдали честь знамени части, поднялись на второй этаж, в кабинет Галаева.

Генерал сел на место командира полка. Старшие офицеры устроились за приставным столом.

Коненко расстегнул галстук.

– Жарковато сегодня.

– Может, чего-нибудь прохладительного? – спросил майор Дронов. – У меня в холодильнике есть минералка.

– После нее только хуже будет. Давайте к делу. Я к вам ненадолго. Мне позвонили из генштаба и приказали сформировать два экипажа из самых лучших военнослужащих вашего полка для отправки в Сирию.

Командир полка и начальник штаба переглянулись.

– Да-да, в Сирию, – подтвердил генерал. – Туда отправлен взвод «Т-90», четыре танка. Здесь у нас прошли подготовку два сирийских экипажа. Но все это на скорую руку. А взвод надо срочно вводить в бой. Где и при каких обстоятельствах, мне не сообщили. Я получил лишь приказ подготовить в течение суток два экипажа, основной и резервный. Основной,

как я понял, должен будет сразу вступить в бой. Резервный продолжит подготовку сирийских танкистов. При необходимости он заменит основной либо будет действовать вместе с ним. Посему мне прямо сейчас нужны фамилии членов экипажей, которые уже послезавтра отправятся на базу Хмеймим и далее, к месту дислокации сирийской танковой части. Что за часть, тоже не знаю. И место дислокации мне неизвестно. В Хмеймиме борт встретит заместитель главного военного советника полковник Веденко. Он определит задачу экипажам, скажет, сразу ли они отправятся в часть или какое-то время проведут на базе. «Ил-76» вылетает послезавтра, двадцать седьмого июля, в четырнадцать ноль-ноль. Значит, к полудню тебе, Руслан Маратович, следует лично отправить экипажи на военный аэродром. Туда же, скорее всего, подъедет мой заместитель. Он в курсе всех дел.

– Да, вот так задачка, – проговорил начальник штаба.

– Что-то не так, майор? – осведомился командир дивизии.

– Неожиданно, товарищ генерал.

– А ты предпочел бы, чтобы вас за месяц об этом предупредили?

– Да хотя бы за неделю.

– Ты позвони в генштаб и выскажи свое мнение. Но давай-те ближе к теме, по экипажам. Сразу скажу, что возглавить оба экипажа должны командиры рот. Наводчиками будут взводные, ну а механиками – лучшие сержанты-контрактники.

Командир полка кашлянул и сказал:

– Вопрос разрешите, товарищ генерал?

– Давай.

– Почему выбран именно наш полк? У вас полно отличных офицеров.

– Неуместный вопрос, подполковник. Я не обязан отчитываться перед тобой за принятие решений, но отвечу. Потому, что по итогам недавней проверки подчиненный тебе полк показал гораздо лучшие результаты, нежели остальные. Да, конечно, можно собрать экипажи из разных частей, но тогда и им, а не только сирийцам потребуется дополнительная подготовка, дабы отработать взаимодействие и согласованность. В общем, экипажи предоставляешь ты. Я готов записать фамилии. На этих парней еще надо кучу документов оформить. Поэтому завтра весь штаб дивизии будет на ногах. Я слушаю вас.

Командир полка пожал плечами и проговорил:

– Проще, конечно, готовые экипажи отправить. Но если расчет на офицеров, то командиром основного экипажа предлагаю назначить капитана Иволгина. Его вторая рота у меня лучшая. Наводчиком – командира первого взвода старшего лейтенанта Рябина. Механиком – сержанта Буренко.

– Почему именно эти люди?

– В таком составе они сдавали проверку. Это был выбор члена комиссии. Сводный экипаж отработал отлично!

Генерал кивнул и сказал:

– Согласен. – Он записал в блокнот фамилии, должности, звания танкистов и спросил: – Резервный экипаж?..

Галаев взглянул на начальника штаба и осведомился:

– Кого ты предлагаешь, Борис?

Майор пригладил тонкие усики и ответил:

– Можно офицеров седьмой роты. Там проверяющий тоже затребовал сводный экипаж. Командир – капитан Быков, механик-водитель – сержант Ступин. Но вот как быть с наводчиком?

– А что с наводчиком? Болен? В отпуске? – спросил командир дивизии.

– Никак нет, – ответил подполковник Галаев.

– Тогда не понимаю.

– На проверке наводчиком экипажа был лейтенант Ивасюк, но у него залет. Заступил в наряд по парку, выпил и был снят с дежурства заместителем по вооружению.

– Что, в лоскуты нажрался лейтенант?

– Говорит, бутылку пива выпил.

– Так все говорят, – добавил начальник штаба полка.

– А что заместитель по вооружению?..

– Он на совещании доложил, что снял лейтенанта. Комбат должен разобраться и наказать.

– Что доложил Кузнецов? В каком состоянии был Ивасюк? Употребление спиртных напитков – понятие растяжимое. При такой сумасшедшей жаре можно бутылку пива выпить. Или литр водки. Конечно, на службе нельзя ни грамма,

но... так сколько выпил лейтенант?

– Не могу сказать, товарищ генерал. Вообще-то, Ивасюк в пьянках замечен не был. Но человек, честно говоря, довольно дерзкий, хотя в войсках только год.

Командир дивизии ненадолго задумался и спросил:

– Погоди, а не этому ли Ивасюку генерал, руководивший той самой проверкой, благодарность объявил?

– Ему, – подтвердил Дронов и вздохнул. – За то, что он с одного огневого рубежа сбил сразу две мишени.

– Помню, что-то такое обсуждалось на недавнем совещании. Этот лейтенант, с одной стороны, вроде как нарушил инструкцию, но с другой, применительно к реальному бою, поступил совершенно правильно. Настоящий противник не будет ждать, когда танк выйдет на огневой рубеж. Взыскание, значит, еще не успели на него наложить?

– Если только комбат.

Генерал принял решение и немедленно озвучил его:

– Если комбат наложил, то ты снимешь, подполковник. Мы не имеем права посылать в Сирию военнослужащих, имеющих взыскания. А в экипаж войдет Ивасюк. Это понял, Руслан?

– Так точно, товарищ генерал!

Командир дивизии закрыл записную книжку и сказал начальнику штаба полка:

– Ты, майор, вызывай к себе офицеров и сержантов, объявляй им о решении. Пусть готовятся. Приказом откоманди-

ровать их в мое распоряжение. Надеюсь, отказов не будет?

– Ну, какие отказы, товарищ генерал, – сказал командир полка. – У нас ничего подобного быть не может.

– Не зарекайся. Семейное положение членов экипажей?..

– Трое женатых. Иволгин, Быков и сержант Ступин.

– Дети?..

– У Быкова сын четырех лет. У Ступина дочь помладше.

Три года ей, по-моему. Да, Борис Семенович?

– Именно так, – подтвердил начальник штаба.

– Ну, по одному ребенку еще пойдет. Тем более что они из резервного экипажа, который только в случае крайней необходимости может быть привлечен к активным действиям. У меня все! Генерал ударил ладонью по столу. – Решено. Начальник штаба, вызывай людей. Тебе, Руслан, тоже с ними переговорить надо будет, когда я уеду.

– Понял.

Дронов как-то замешкался.

Генерал Коненко заметил это и спросил:

– Что еще, майор?

– Может, все-таки Ивасюка заменим? Подготовлен он хорошо, тут вопросов нет, но вот с дисциплиной!.. Можно отправить лейтенанта Воронина, например.

– Нет, – ответил командир дивизии. – Кого определили, те и полетят в Сирию. Больше данный вопрос не обсуждаем. Воронина имей в виду, если вдруг Ивасюк или Рябинин откажутся.

– Понял вас, товарищ генерал!

– Работай. Мы с командиром полка еще немного поговорим, потом поеду в штаб.

– До свидания.

– Счастливо.

Начальник штаба вышел.

Коненко улыбнулся и заявил:

– Перестраховывается твой начальник штаба, Руслан Маратович.

– Да, но службист он отменный. В полку с утра и до самого отбоя.

– Карьерист он, подполковник.

– А разве это плохо?

– Смотря как карьеру делать. Один своим трудом и потом должности занимает, другой готов по головам идти. У майора друзья-то есть в части?

Галаев ненадолго задумался, потом ответил:

– Никогда не думал об этом, но нет, он со всеми на расстоянии.

– Личное дело у него, конечно, образцовое?

– Так точно.

– Да, подобные кадры ни в училище, ни в войсках пиво на службе не пьют. Знаешь, Руслан, не люблю я таких вот глянцевого, образцово-показательных. Насмотрелся на них в Чечне. Ты-то в училище в самоход бегал?

Командир полка улыбнулся и сказал:

– Конечно, причем регулярно.

– И водочку иногда пил?

– В училище мало. В войсках – да. Я и сейчас не против, особенно под хорошую закуску.

Командир дивизии вздохнул и проговорил:

– Помню, на третьем курсе познакомился с девушкой, одной из тех, которые постоянно у училища трутся в надежде зацепить курсанта и женить на себе. Знал, что она из тех самых, морально подвижных, но мне тогда такая и нужна была. Тоже в самоволку пошел. У нее дома все сложилось, выпили неплохо. А на обратном пути, как раз на рассвете, до подъема еще, я патрулю соседней школы прапорщиков попался. Пять суток отсидел на гарнизонной гауптвахте. Отпуска зимнего лишился. Вместо него угодил в рабочую команду. У нас тогда боксы под учебно-боевые танки строили и использовали курсантов как дармовую силу. А когда работали, вино каждый день пили. Уверен, что твой майор Дронов от таких персонажей, как мы, держался бы подальше.

– Он в училище, вернее, уже в военном институте сержантом был, командовал отделением. С отличием вуз окончил. Сейчас, в двадцать семь лет, он и без академии майор, начальник штаба полка. Далеко пойдет.

– Если война не остановит. Но давай мы с тобой не будем желать зла человеку, добросовестно и образцово исполняющему свой долг. В общем, ты поговори с экипажами, настрой парней и двадцать седьмого числа в двенадцать ноль-

ноль отправь их на аэродром.

– Сделаю, товарищ генерал-майор. Один вопрос?..

Командир дивизии улыбнулся.

– Можешь не задавать. Представление на присвоение тебе звания полковника ушло в министерство обороны. Все предыдущие инстанции оно прошло без проблем, так что где-то через пару месяцев получишь по третьей звезде на погоны. А через год в академию генштаба уходит начальник штаба дивизии. Служи и, возможно, встанешь на его место.

– Служим, Николай Степанович.

– Вызови мою машину. Она в парке должна быть.

– Минуту.

После объявления майором Кузнецовым об отмене совещания офицеры повалили из клуба.

Оттуда вместе вышли капитаны Иволгин и Быков. Они заканчивали одно военное училище, дружили еще с курсантских лет. Молодые лейтенанты попали в этот танковый полк, одновременно стали командирами рот. Более того, они жили в одном доме и подъезде. Вот только квартира Быкова находилась на третьем этаже, а Иволгина – на втором. Как правило, и на службу из городка они ходили вместе.

А вот жены их почему-то не поддерживали между собой никаких отношений. В семье Быковых рос сын, у Иволгиных же детей не было.

Быков еще на совещании заметил, что друг его не в на-

строении, поэтому на улице у клуба спросил:

– Что-то случилось, Стас?

– Ничего, – кратко ответил Иволгин.

– Так уж и ничего? А чего вчера вечером ругались с Надей? У тебя с женой что-то не так?

Надежда – жена Иволгина.

– Задолбала жизнь семейная, Леня! Она мне уже вот где. – Иволгин провел ребром ладони по горлу.

– И когда же она успела тебя так задолбать? – не без удивления спросил Быков. – Вы ведь вроде до последнего времени нормально жили. Не без косяков, конечно, но у кого их нет?

– Вот именно, что до последнего времени, точнее сказать, до мая месяца.

– Что произошло в мае? Ну да, Надежда в Москве на работу устроилась. Из-за этого проблемы возникли? Кстати, где она место нашла? Может, и мою Свету где-нибудь рядышком приладит?

– Не дай бог.

– Чего так?

– Надя устроилась в коммерческую фирму. Говорила название, не запомнил, да и далась она мне, эта фирма. Быстро в гору пошла, начальником отдела стала. Соответственно, и зарплата у нее немалая – сто пятьдесят штук.

– А что? Это для Москвы нормально. Нам с тобой по полтиннику платят, но мы же офицеры, а не офисные клерки.

– Поначалу все нормально было, – продолжал Иволгин. – В город и обратно она на автобусе или электричке ездила. Дома по хозяйству хлопотала. Все так же, как раньше. Потом деньги завелись, счет открыла. А как в начальники выбилась, ее словно подменили. Частенько с работы к полуночи приезжать стала, с запашком и на машинах крутых. Видел я пару раз такие тачки. Это были не служебные машины. Привозили ее мужчины в костюмах да при галстуках, молодые, все из себя такие, что не подходи. Ну, я, естественно, вопрос. Мол, что за дела? Она мне про работу начала загибать. Я – что за работа, где постоянно пьянки? Нет, дескать, это у вас – ты понял, у нас! – пьянки, а у них на фирме корпоративы. Улавливаешь разницу?

– Нет.

– Я тоже. В общем, стали жить сами по себе. А вчера ее в лоскуты привезли. С КПП звонили, сама идти не могла. Я попросил пропустить тачку. Но водитель, видимо, светиться не хотел, не поехал, пришлось идти. Когда вышел к КПП, машины уже не было, а моя ненаглядная блюет за зданием. Привел домой и сорвался. Вот и слышали вы скандал.

– И что думаешь делать?

– Не знаю, Леня. Может, ты чего посоветуешь?

– В таких делах советчиков нет. Сам решай.

– Да осточертело все. Решай или не решай, уже ничего не изменится. Захватила женщину вольная московская жизнь.

– А чем фирма занимается, если там порядка нет?

– Что-то связано со спутниковым телевидением, Интернетом.

– Вроде серьезная контора.

– Да ну ее на хрен.

Они вышли на плац. Здесь друзьям предстояло разойтись. Казарма второй роты была рядом, слева. Третий батальон располагался дальше, за плацем.

Быков хлопнул друга по плечу и сказал:

– Не расстраивайся. Бабы, они такие. Перебесится. Вам ребенка надо бы завести.

– Надя не хочет, рано, говорит. Да ладно, ступай. Тебя уже наверняка комбат ждет по поводу Ивасюка. И чего зампотех прицепился к парню? Видел я, как он заступил в наряд. И в парке потом, когда сдавал под охрану боксы. Да, запашок был, но не пьяный.

– Кузнецову и запашка хватило. Черта с два получит теперь Ивасюк очередное звание вовремя.

– А ему что, еще не посылали на старшего лейтенанта?

– Нет, в строевой что-то с документами напортачили. Вроде исправили, но теперь не пошлют из-за этого случая с дежурством. Кузнецов настоит. Полгода как минимум протянут.

– Ерунда. Командир раньше отправит. Ну, давай.

Командиры рот разошлись.

Капитан Быков не успел подойти к зданию, как навстречу

ему выбежал дневальный по роте.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

– Что, комбат вызывает?

– Никак нет. Начальник штаба полка. Срочно.

– Хорошо, я понял, свободен.

«Неужели майор Дронов решил придать случаю с Ивасюком показательный характер, наказать его даже жестче, чем определил командир полка? Чтобы другим впредь неповадно было перед дежурством даже пробки от пивных бутылок нюхать? – подумал Быков. – Нет, это вряд ли. Командир полка не повелся бы на это. Он мужик с понятием. Зам по воспитательной части тоже человек нормальный, а один Кузнецов не в состоянии принять такое решение. Не понятно, с чем связан вызов».

Сзади раздались торопливые шаги. Капитан обернулся и увидел лейтенанта Ивасюка и сержанта Ступина.

– В штаб, товарищ капитан? – спросил взводный.

– Я-то в штаб, а вот вы куда намылились, товарищи дорогие? Особенно это тебя касается, Ивасюк. Ты ведь сейчас должен быть у комбата, получать подарки.

– Так я явился к майору Синюхину, а он – забирай, мол, Ступина и бегом к Дронову в кабинет.

– Вас-то зачем начальник штаба вызвал? – с искренним удивлением спросил Быков.

– Точно не могу знать, товарищ капитан. Но мыслю, что это как-то связано с приездом командира дивизии.

– Ему больше делать нечего, кроме как заниматься с взводным и контрактником.

– Однако вызвали. Как и вас.

На плацу они повстречались с капитаном Иволгиным, старшим лейтенантом Рябининым и сержантом Буренко.

– Вот так дела! – воскликнул Иволгин. – Не прошло и пол-года. К начальнику штаба?

– Да, – ответил Быков. – А вы?

– И мы тоже.

– Не знаешь, по какому поводу?

– Без понятия. Только заметь, Стас, нас экипажами вызвали.

– Вижу. Но чего ради?

– Узнаем.

Они подошли к штабу, когда машина командира дивизии миновала контрольно-пропускной пункт, поднялись в кабинет майора Дронова.

Тот как раз ждал офицеров и сержантов, предложил им сесть и кратко объяснил причину вызова.

– В Сирию? Вот уж не думал, что там и танкисты потребуются, – заявил Быков. – Летчики и спецназ, это понятно. А нам-то что делать в тех краях?

– Тебе, Быков, Ивасюку и Ступину быть в резерве. Продолжить обучение сирийских танкистов, которые прошли в России короткий курс подготовки на «Т-9». Туда переброшено пока четыре танка. Этим и займетесь. А вот экипажу

капитана Иволгина придется применить свои навыки в боевой обстановке. Впрочем, конкретную задачу вам поставит в Хмеймиме заместитель главного военного советника. Я обязан задать вопрос. Может, кто-то не желает или по каким-то причинам не может лететь в Сирию?

Отказников не оказалось. Начальник штаба полка не зря был уверен в этом.

– Вот и хорошо. Товарищи офицеры, вы должны сегодня же передать командование своим заместителям. После этого можете отправляться домой, готовиться к командировке. Завтра у вас выходной. Послезавтра в одиннадцать ноль-ноль быть в штабе с тревожными сумками.

– Табельное оружие получать? – спросил Быков.

– Нет, – ответил начальник штаба. – Все необходимое для решения задачи в Сирии получите там же, включая оружие. Еще вопросы есть?

– На сколько летим?

– Неизвестно. В финансовой части прямо сейчас получите довольствие за два месяца вперед, там же оформите доверенности на жен, у кого они есть.

– Вот это правильно, – сказал Быков. – А начфин в курсе? А то он у нас еще тот жук.

– Насчет вас ему командир полка распоряжение дал.

– Тогда проблем не будет.

– Если больше вопросов нет, то приказываю гарнизон не покидать. Среди офицеров о командировке не распростра-

няться. Возможен вызов для уточнения задачи. Все свободны!

Офицеры и сержанты вышли из штаба. Курилки после принятия известного закона были убраны с территории воинской части, но от этого стало только хуже. Теперь офицеры и солдаты украдкой дымили везде.

Танкисты всей гурьбой зашли за здание и здесь, у пристройки, в которой размещались различные службы, закурили. Впрочем, не все. Быков и Ступин не имели этой крайне вредной привычки.

Ивасюк заметно повеселел и заявил:

– Нормально! Теперь никто никакого взыскания на меня не наложит.

– А ты на самом деле только бутылку пива выпил? – спросил Иволгин.

– Да, причем за два часа до развода. Из меня долго спиртное выходит.

– Потому и пьешь мало?

– Не нравится мне это занятие. За компанию, на праздник можно, а так, в обычные дни, не употребляю.

Надо сказать, что офицеры-танкисты вовсе не были завзятыми любителями залить за воротник, а сержанты – тем более. Пусть эти парни и были контрактниками, но они не располагали такой свободой, как офицеры.

Холостой Буренко и Ступин с женой и ребенком обитали

в общежитии, расположенном на территории части. После службы они, конечно, могли расслабиться, но очень уж не хотелишний раз попадаться на глаза начальству в таком состоянии.

За это сержанты могли запросто лишиться службы. Оба были родом из глухих деревень, затерянных у черта на рогах. Уволят, куда податься? Тем более Ступину с семьей. Возвращаться в деревню? Так там одни старики остались. Работы и в райцентре не найдешь. В Москве тоже ловить нечего. Что получишь, то и отдашь за наемное жилье, питание и поездки на общественном транспорте.

Была бы профессия востребованной, тогда другое дело. Но в Москве механики-водители танков почему-то мало кому нужны. Даже странно, не правда ли?

Так что контрактники имели определенные права, но предпочитали думать о своих обязанностях. Не все, конечно, но большинство. К нему относились сержанты Буренко и Ступин.

После перекура офицеры разошлись по своим подразделениям. Им надо было передать командование заместителям. Это дело оказалось довольно муторным. По домам все они пошли только после десяти часов вечера.

Иволгин открыл дверь своим ключом и увидел свет в квартире. С улицы он не мог заметить его, так как окна и балкон квартиры выходили на противоположную сторону. Что

ж, значит, его законная супруга была дома.

Капитан снял ботинки, прошел на кухню.

Надежда находилась там. Она сидела за столом и курила. Перед ней стояла чашка кофе.

– Ого! – воскликнула она. – А вот и мой благоверный явился на ночь глядя. Фу!.. Ступай в ванную. От тебя на всю нашу роскошную квартиру казармой несет.

Иволгин усмехнулся и заявил:

– Понятно, не вашим офисом.

Он принял душ, но вовсе не потому, что на этом настаивала жена. Капитан обязательно поступал так дважды в день, по вечерам и каждое утро, когда брился.

Он вышел из ванной в спортивных брюках, майке и домашних тапках, присел за стол и спросил:

– Кормить думаешь?

– Конечно, дорогой. Яичница тебя устроит?

– Какая к черту яичница? – вспыхнул Иволгин. – Неужели ты нормальный ужин приготовить не могла?

Надежда затушила окурок в пепельнице и, не скрывая язвительности, проговорила:

– Между прочим, дорогой мой, я, в отличие от большинства наших клуш, жен офицеров, работаю, занимаю руководящую должность в солидной компании. Чисто для информации скажу, что получаю в три раза больше тебя. По сути дела, именно я содержу наш дом.

Иволгин рассмеялся и заявил:

– Ты содержишь? Что-то я не вижу вокруг ничего такого, во что ты вложила бы свои огромные средства. Лучше скажи, где вчера до полуночи шаталась? По какому торжественному поводу нажралась до соплей?

Надежда вздохнула и заявила:

– И опять ты грубишь, дорогой. Ты же прекрасно знаешь, что я по ресторанам не хожу. Вчера у шефа был день рождения. Кстати, он твой ровесник, но уже имеет все! Мы отметили это. Да, я выпила лишний бокал, однако в чем тут преступление? Домой-то я приехала!

– Опозорила меня на весь городок.

На этот раз рассмеялась Надежда.

– Перед кем? – спросила она. – Ты посмотри, кто живет здесь. Офицеров я в расчет не беру. Им положено, как говорится, служить. Я имею в виду их жен. Это же ужас.

– Совсем недавно ты чувствовала себя здесь вполне нормально.

– Да, пока не узнала, что есть другая жизнь.

– Это где? В вашей зачуханной фирме?

– Вот. Ты злишься, дорогой. Вместо этого приласкал бы жену.

– А ты могла бы меня накормить.

Надежде пришлось готовить ужин. Особо мудрить с этим она не стала, отварила сосиски.

Иволгин съел их, выпил чаю.

– У меня для тебя... – начал он, но жена прервала его:

– Погоди. Ты сначала меня послушай.

– Говори.

– У нас в фирме должность менеджера освободилась. Я шефу заикнулась, не возьмет ли он на это место тебя. Тот сказал, что он не против. А там оклад восемьдесят плюс пятьдесят процентов премиальных.

– Как ты могла устраивать меня на работу, когда я служу?

– А что? Неужели так трудно уволиться? По-моему, сейчас это проще простого. Написал рапорт и свободен.

Иволгин внимательно посмотрел на супругу и спросил:

– Значит, ты хочешь, чтобы я бросил службу и устроился в ваш гадюшник?

– Не в гадюшник, а в солидную фирму. Шеф придержит для тебя эту должность. Мы наконец-то сможем переехать из этой глухомани в Москву. Петя... Петр Аркадьевич, владелец фирмы, обещал даже оплачивать за счет компании аренду квартиры.

– С чего это он вдруг так расщедрился? Или ты стала незаменимой работницей?

– И поэтому тоже.

– А ты не обслуживаешь его в постели?

– Да что ты такое говоришь? – возмутилась Надежда. – Ладно, я вижу, что сейчас обсуждать тему о работе бесполезно. Ты же солдафон упрямый, упреешься, не сдвинешь. Поговорим об этом завтра на пикнике.

– На каком еще пикнике? – с удивлением спросил Ивол-

гин.

– Объясняю. Завтра шеф устраивает пикник у себя в загородной усадьбе. Мы приглашены. Там ты с ним и познакомишься.

– Пикник, говоришь?

– Да. Посмотришь, как нормальные люди живут. Мы со временем тоже сможем.

Капитан покачал головой и заявил:

– Нет, мы не сможем.

– Почему? Денег наберем, свое дело откроем. Я уже знаю, какое именно. Петр Аркадьевич нам обязательно поможет.

– Потому, Надежда, что я не собираюсь увольняться.

– Ну, конечно! – Она вплеснула руками. – Куда же мы без армии и она, родимая, без нас?

– Теперь слушай меня, – резко проговорил Иволгин, достал пачку сигарет, щелкнул зажигалкой. – Готова?

– Слушаю.

– Послезавтра я улетаю в командировку в Сирию.

Это заявление ввело женщину в ступор.

– В смысле?..

– В прямом. Группа офицеров полка послезавтра вылетает в Сирию. В том числе и я.

– Но ведь там же идет война!..

– Ты знаешь об этом? Странно. Мне казалось, что тебя, кроме фирмы, в этой жизни ничего больше не интересует.

– Не делай из меня полную дуру. И не будь идиотом сам.

За каким чертом сдалась тебе эта Сирия?

– Я должен выполнить приказ и обязательно сделаю это.

Надежда задумалась, принялась стучать по столу ухоженными ноготками.

– Так-так-так. Сирия, значит. Слушай, а ведь это выход, – заявила она.

– Ты о чем?

– Тебе приказали лететь туда?

– Да.

– А что будет, если завтра ты пойдешь к командиру полка и откажешься от командировки?

– С ума сошла. Я не откажусь.

– Нет, подожди. Давай так. Скажи, если ты или кто-то другой из вашей группы откажется от поездки в Сирию, то что будет с этим человеком?

– Хреново ему будет.

– Тебя могут уволить?

– Конечно.

– Ну вот, Стасик. Это же то самое, что нам надо.

– Прекрати, я не собираюсь отказываться.

– Ладно, закрываем эту тему и разбегаемся по своим кроваткам. В одной постели нам с тобой делать нечего.

Так вот супруги и уснули.

Этажом выше все было совершенно иначе.

Быков знал, что жена дома, позвонил в дверь. Щелкнул замок, и его встретили Светлана с сыном Егором.

– Ой! – воскликнула, улыбаясь, Света. – Смотри, Егорка, папа наш наконец-то домой пришел.

Капитан поднял мальчика на руки, внес в прихожую.

– Леня, ты иди в ванную. Егорка никак не хотел без тебя в постель отправляться. Сейчас я его уложу и накрою стол, – проговорила жена и увела ребенка в детскую комнату.

Вернулась она быстро, минут через десять. Муж как раз успел принять душ.

– А что у нас на ужин? – спросил он.

– Котлеты, пюре картофельное. Я колбасу купила, которую ты любишь. Бутерброды сделать?

– Нет, Света, и котлет хватит. Я должен сообщить тебе новость, которая, думаю, тебя не развеселит.

Женщина напряглась, перестала ставить тарелки на стол.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Меня в командировку отправляют.

Светлана с облегчением вздохнула и заявила:

– Это не первый раз. Опять в учебный центр отправишься?

– Нет. На этот раз гораздо дальше, милая.

– Дальше?..

– Да, Светуля, в Сирию.

Женщина опустила на стул, сжала в руках передник и тихо переспросила:

– В Сирию?

– Именно туда, моя хорошая.

– Господи, сегодня в новостях передавали, что террористы у Хмеймима подбили вертолет. Охотник какой-то.

– «Ночной охотник», «Ми-28». Сегодня, говоришь?

– Да, экипаж погиб. Подполковник и капитан.

– Ну что ж, земля им пухом. На войне иногда убивают.

– Не говори так.

Быков подошел к жене, прижал ее к себе.

– Ты только не волнуйся. Мы летим туда вшестером. Два экипажа. Я командир резервного, точнее сказать, учебного.

– Кто с тобой в экипаже?

– Дима Ивасюк и Коля Ступин.

– Хорошие ребята. А ведь у Ступина дочь. Скажи, почему посылают тех, у кого семьи? Ведь много офицеров холостых или бездетных.

– Посылают лучших. Но, повторяю, у тебя нет повода беспокоиться. Мы с Ивасюком и Ступиным будем там в роли советников, инструкторов. Нам придется готовить сирийские экипажи. Танки новые им поставили, теперь надо научить братьев по оружию, как воевать.

– А кто во втором экипаже?

– Стас Иволгин, Рома Рябинин и Миша Буренко.

– А почему они основной экипаж?

– Потому что им придется немного повоевать.

– Ой! Это же и убить могут.

– Мы люди военные, Света. Воевать – наша работа.

Женщина сразу поникла и проговорила:

– Да понимаю я все. А ты представляешь, каково нам с Егором здесь будет? Он же постоянно задает вопросы. «Где папа?» Что мне ему отвечать? В командировке, на войне? Так не поймет, мал еще.

– Ты у меня умница, что-нибудь придумаешь.

– Стасу-то как не везет. И на войну угодил, и дома непорядок.

– С чего ты взяла, что непорядок? С того, что они вчера скандалили? Так это в каждой семье бывает.

– Я сегодня в магазин пошла, так там женщины только о том и судачат, как Стас вчера с КПП Надежду сильно пьяную домой тащил. А еще говорят, что привез ее молодой человек на дорогой машине. Они целовались перед солдатами. Стас после подошел.

Быков покачал головой и заявил:

– Ну и языки у баб гарнизонных! Кто из них мог видеть, что делала Надюха в салоне машины? Солдаты подсмотрели и тут же побежали оповещать об этом весь городок?

– Но не я же придумала.

– Больше слушай. Стас рассказывал мне о вчерашнем случае. В конторе, где сейчас работает Надежда, отмечали день рождения начальника, владельца фирмы. Отказаться Надя не могла, это у них не принято. Вдобавок она недавно на повышение пошла. А то, что лишку перебрала, так с кем не бывает? Это мы, мужики к спиртному привычны, да и то не все. А вы, женщины, – существа слабые, не умеете контро-

лировать себя.

– Ой, да бог с ней, с Надеждой. Мне же тебя собирать надо. Когда вы улетаєте?

– Послезавтра, двадцать седьмого, в четырнадцать часов, отсюда поедет в двенадцать.

– Так ты ужинай, а я сейчас подумаю, что тебе в тревожную сумку положить.

Но Быков остановил жену.

– Ничего не надо, – сказал он. – Что есть, то и возьму. Всем остальным нас на базе обеспечат. Мы даже оружие не берем с собой.

– Нет, Леня, в сумке у тебя мыло дешевое, шампуня нет, да и станок для бритья допотопный.

– Это все я сам возьму.

– Надо белья еще одну смену положить, рубашку, да и продуктов добавить. Ведь ты не знаешь, когда вас на довольствие поставят. Но все это я завтра сделаю.

– Не суетись. Присядь напротив.

Женщина опустилаcь на стул.

– В кармане рубашки, в которой я был, лежат деньги. Там сто двенадцать тысяч, – сказал Быков.

– Почему так много?

– Нам выплатили денежное довольствие за два месяца вперед.

Светлана приложила ладошку ко рту и прошептала:

– Так вы на два месяца летите?

– Этого, Света, не знает никто. Может, на два месяца или даже на три. Но не исключено, что всего на пару недель.

– Нет, Леня. Если вам заплатили за два месяца вперед, то меньше вы там никак не пробудете. Господи, за это время я тут с ума сойду. Надежде легче, у нее работа.

– А у тебя сын.

– Который и достанет меня вопросами про папу. Ну ладно, я ничего. Мне просто очень не хочется расставаться с тобой.

– Мне тоже, милая. Но приказ есть приказ.

– Да я понимаю. Головой. А вот сердце противится.

– Ничего, прорвемся. Другие-то служат в Сирии. Там находятся не только летчики, но и спецназ, военная полиция, советники, саперы, экипажи кораблей ВМФ. Вот и мы послужим.

– А оттуда по сотовому телефону звонить сюда можно?

– Вот этого, Света, не знаю. Но телефон, конечно же, возьми с собой. Будет возможность – позвоню.

– Обязательно, Леня.

– А ты тут жену Ступина Настю поддержи. Ей тяжелее, чем тебе.

– Ну да, конечно, тяжелее. У каждого, Леня, боль своя. Люди переносят ее по-разному.

– Вот ты, жена командира подразделения, и должна подавать пример.

– Леня, вот только этот пафос не надо. Оставь его для плакатов, которые красуются в твоей части. А насчет разгово-

ров, идущих о семье Стаса, скажу лишь то, что ты и сам прекрасно знаешь. Да, не ладится у них. Этот раздор начался не вчера, еще до того как Надя устроилась на работу. Я думаю, потому, что у них нет детей.

– Возможно. Но не хочет ребенка не Стас, а Надя. Как это может быть? Почему женщина, в которую природой заложен материнский инстинкт, не желает завести сына или дочку?

– Это тебе Стас сказал?

– Да, но не для общего пользования.

– Ты же знаешь, я в бабьих базарах не участвую.

Быков кивнул и сказал:

– Надежда нагляделась на столичный гламур и теперь долбит Стаса. Вот, мол, как жить надо. Ей деньги нужны, а не ребенок.

– Может, разлука хоть как-то улучшит их отношения?

– Может, и улучшит. Но все, Светуля. Егорка спит?

– Ты же его знаешь. Он тут же уснул, как только лег в кровать. Ведь папа дома.

– Пойдем и мы.

– Ты иди. Я приберусь на кухне, сполоснусь и приду. Заснешь, не обижусь.

– Не засну! Не дожدهшься!

В офицерском общежитии лейтенант Ивасюк тоже принял душ и завалился спать.

Сержант Буренко с этим не спешил. Он до трех часов иг-

рал в карты с техником ГСМ.

Настя, жена Ступина, почти всю ночь проплакала, узнав о командировке мужа. Заснула она только под утро.

Этот день для каждого завершился по-своему.

Глава 2

Капитан Иволгин проснулся в шесть утра, как и всегда. Он хотел было встать, побриться, умыться, выпить кофе да идти на службу, но вспомнил о командировке. Сегодняшний день был отдан подготовке к ней.

Тут в комнату вошла Надежда и заявила:

– Пикник! Вставай, дорогой мой! Сейчас мы с тобой приводим себя в идеальный порядок, одеваемся как на парад и идем на КПП. В восемь часов за нами должен заехать мой шеф.

Иволгин вспомнил вчерашний вечер и заявил:

– Я же сказал, что не поеду ни на какой пикник, да и тебе там делать нечего. Обойдутся как-нибудь без тебя. Мне же завтра улетать в Сирию. Мы с тобой могли бы хоть этот день посвятить друг другу.

– Да? А то, что я обещала там быть, не в счет?

– Позвони своему шефу, объясни ему ситуацию. Только не называй Сирию, скажи просто, что мужа надо собрать в командировку.

Надежда скривилась так, будто съела лимон.

– В командировку? Мужа? До чего романтично! – выдала она.

Иволгин не на шутку разозлился.

– Слушай, а чего это шеф уделяет тебе такое внимание? –

осведомился он. — И на повышение выдвинул, и винами разными, которых наверняка в нашем магазине не купишь, угощает, да еще возит из Москвы за сорок километров в какой-то гарнизон!

— Ты на что намекаешь?

— Я не намекаю, просто спрашиваю.

— Глупый вопрос. У меня нет никакого желания на него отвечать.

Иволгин невесело усмехнулся и произнес:

— А ответ, по-моему, очевиден. Ты его любовница. Вот и весь секрет.

— Ты полный идиот, Иволгин! — заявила Надежда.

— А что тут такого? Почему бы и нет? Бабенка ты привлекательная, фигуристая, как говорится, все при тебе. Молода, стройна, лишена каких бы то ни было комплексов. Для тебя любой грех — одно удовольствие. Поэтому шеф вашей конторы на тебя глаз и положил. Выгодная любовница со всех сторон. Замужем, значит, афишировать связь не будет. Живет в военном городке. Это тоже большой плюс для твоего босса. Меньше вероятности, что жена застукает. И, главное, безотказная.

Надежда скривилась и спросила:

— А что же ты тогда с такой мерзавкой живешь? Послал бы меня к черту и подал на развод. Эта процедура быстро закончится. Детей у нас нет, делить нечего. Что можно с каким-то капитаном нажать кроме претензий и головной боли?

– А зачем мне беспокоиться? Ты сама свалишь от меня и оформишь развод. К этому все идет.

– Так, значит, ни себе ни людям, да? Последний раз спрашиваю: ты едешь со мной?

– Нет! Ты же знаешь, я своих решений не меняю.

– Ну и черт с тобой. Однако подумай, дорогой мой, за каким лешим я стала бы настаивать на том, чтобы шеф пригласил бы и тебя, если мы с ним любовники?

– Тут все очень просто. Видимо, твой шеф вынужден будет взять с собой на этот вот пикник свою жену. До нее вполне могли дойти слухи о его повышенном внимании к недавно принятой сотруднице, с которой он иногда ведет себя слишком вольно. А тут она сама с любимым с мужем. Да еще вся из себя такая нежная, ласковая с ним! Сыграть роль без ума влюбленной дамы ты сумеешь получше некоторых профессиональных актрис.

Надежда взялась за голову и заявила:

– Нет, просто невозможно слушать этот бред. Я тебя, дурака набитого, в лучшую, достойную жизнь тащу, а ты еще упрекаешь меня, устраиваешь сцены ревности. Она не имеет никаких оснований. Но это дело твое, дорогой мой. Оставайся со своей солдатней, если тебе так угодно. А я по-человечески жить хочу. И буду!

– Под крылом шефа? Или он, когда у него появится новая обаятельная сотрудница, передаст тебя какому-нибудь товарищу по бизнесу?

– Дать бы тебе в морду, Иволгин!

– Попробуй.

– Скотина!

– Пошла ты...

– Я-то сейчас пойду, а вот что с тобой будет? Так ротным в полку и прослужишь до пенсии. Ну, может, до майора дойдешь. Никак не больше. А потом будешь существовать на копейки в этой каморке. Другой хаты тебе никто не даст. В конце концов ты просто сопьешься.

Иволгин вздохнул и сказал:

– Уйди, не зли.

– Ты водки выпей, а то крыша съедет, – посоветовала любимому супругу Надежда и проскользнула в ванную.

На душе у капитана было плохо. Все же он любил жену, какая бы она ни была. Ревность душила Станислава. Ему горько было осознавать, что Надежда все дальше уходила от него. Это движение, судя по всему, уже никак нельзя было остановить.

Он встал, прошел на кухню, включил электрический чайник, послушал, как плещется под душем жена. Потом капитан махнул рукой, достал из холодильника бутылку водки, которая давно стояла там. Он взял рюмку, посмотрел на нее и поставил на прежнее место. Фужер, вот что сейчас надо. Станислав отрезал от буханки кусок черного хлеба, щедро посыпал его солью. Для закуски пойдет, самое то.

Из ванной вышла жена с чалмой из полотенца на голове,

встала на входе в кухню, подбоченилась и заявила с полной уверенностью в своей правоте:

– Ну вот! А я что говорю? Так ты и сопьешься, дорогой. – Она брезгливо фыркнула и пошла в комнату.

Иволгин пить не стал, от души насыпал заварку прямо в большую чайную чашку, залил ее крутым кипятком. Потом он присел на стул у окна.

Вернулась Надежда в легком летнем платье и ехидно осведомилась:

– Ты еще не всю водку выпил, дорогой?

– Тебя это не касается.

Надежда потрогала чайник, убедилась в том, что вода только вскипела. Сделала себе чашку растворимого кофе, встала с ней у стола, глянула на мужа.

– Да, – буркнула она, сделав глоток. – Говорила мне мама, мол, не связывайся с военными. Нет, не послушалась я, дурочка. А какой вариант предложил мне папа! Молодой следователь на очень хлебном месте, сынок самого настоящего банкира. Своя квартира в центре Москвы, загородный дом, крутая тачка. Нет, запала на тебя.

Иволгин прикурил сигарету и проговорил:

– Слышал я об этой истории. У твоего отца, заместителя начальника УВД, и тогда были солидные связи. Работал он честно. Так беспристрастно, что умудрился за три года два коттеджа в элитных поселках купить, роскошный лимузин и квартиру под сто пятьдесят квадратов. Это на зарплату,

которая была у него меньше моей. Как-то даже странно, что он до сих пор не в Москве.

– Будет! Он знает, как надо жить.

– Я думаю, что теща моя, Елена Алексеевна, лучше его знает, как продвигаться по службе, не забывая при этом об интересах семьи. Такие деловые родители, а ты за какого-то курсанта вышла замуж. Зачем, Надя? До сих пор не пойму, если честно.

– Потому, что полюбила тебя и была полной душой.

– Сейчас жалеешь об этом?

– А что жалеть? Свою жизнь всегда можно изменить к лучшему.

Иволгин повернулся к жене и спросил:

– Слушай, а на хрен тебе какой-то шеф коммерческой конторы? Папенька, Георгий Александрович, мог бы и без него пристроить тебя в столице. И хату купить. Мужика подобрать, подходящего с финансовой точки зрения. У него же связи. А ты столько лет просидела в гарнизоне. Или этот вот твой шеф и есть вариант Георгия Александровича? Черт, а ведь точно! Без протекции ты в крутую фирму не устроилась бы. Конечно, папенька подсуетился.

– Он без труда мог сделать это и раньше. Если нашел бы замену тебе, то уж точно не женатого.

– Так у него же были какие-то проблемы, насколько я помню. Ну да, ты сама говорила. Ну вот, все срастается. Папенька сначала был недоволен устройством доченьки, вышедшей

замуж не за того человека, за которого надо было. Потом, когда кровиночка вроде образумилась, осознала, что погорячилась, у него на службе начались проблемы. Наверное, ему все же придавили хвост. Но полковник полиции Георгий Александрович Семенов имел солидные связи, выпутался из передраги и вплотную занялся судьбой резко поумневшей дочери. С ходу подобрать нужного человека в будущем мужа не удалось, но ничего страшного, пока сойдет и владелец мутной конторы. Все еще впереди. Так?

– Не смей оскорблять моих родителей! – провизжала Надежда.

Такой вот ее истерический тон явился неожиданностью для Станислава.

– А их можно оскорбить? – любопытствовал он.

– Иволгин!.. – Надежда сжала губы, и лицо ее резко подурнело. – Я тебя ненавижу!

– Ну вот, наконец-то я услышал правду! Ты не опоздаешь к горячо любимому шефу? Сейчас уже без пятнадцати восемь.

– Черт!

Надежда поставила чашку в раковину, прошла в комнату, забрала спортивную сумку, в которой было припасено все, что могло понадобиться ей на пикнике. Она выскочила из квартиры, забыв сорвать с крюка в прихожей ключи.

Иволгин прошел за ней и бросил вслед:

– Значит, так, дорогая. Если ты сейчас уйдешь, то между

нами все будет кончено.

Но Надежда только фыркнула и захлопнула за собой дверь.

Иволгин прошел на кухню, прикурил очередную сигарету.

«Вот и закончилась наша семейная жизнь, – подумал он, взял в руку бутылку водки, и тут раздался звонок в дверь. – Надежда вернулась?» – мелькнула у Иволгина мысль.

Но это был капитан Быков.

Он стоял в коридоре и улыбался, но при виде друга сразу скис и осведомился:

– Что с тобой, Стас?

– А что со мной?

– На тебе лица нет.

– Да? И куда же оно подевалось? Может, я его вчера в казарме забыл?

– Ты шутишь. Это хорошо.

– Ну да, лучше некуда. Заходи.

Быков шагнул в прихожую.

Иволгин протянул ему руку.

– Здорово, что ли, Леня!

– Привет! – ответил Быков, пожал руку друга и сказал: – Надежды, как я понимаю, дома нет.

– Правильно понимаешь. Хочешь узнать, куда свалила?

– Это не мое дело.

– А я объясню, у меня от друзей секретов нет.

– Не надо, Стас. Это твоя личная жизнь.

– А может, мне легче станет, когда выговорюсь?

Быков пожал плечами и заявил:

– Ну, если так, то я готов тебя выслушать. Светлана моей тревожной сумкой занимается, что-то собирает, так что время у меня есть, поэтому я к тебе и заглянул.

– Видишь, жена готовит мужа в командировку. Это хорошо, Леня. Я тебе по-доброму завидую. Пойдем на кухню.

– Пойдем.

Стас присел за стол, кивнул на бутылку водки и спросил:

– Выпьешь?

– Нет, Стас, не хочу.

– Тогда и я не буду, хотя на душе муторно.

– Что случилось, Стас? Нет, конечно, не хочешь – не говори, но я вижу, что тебе действительно надо высказаться.

– Да. Сейчас. – Иволгин взял со стола чашку, залпом выпил терпкий, почти остывший чай, прикурил сигарету.

Потом он рассказал другу все о своих взаимоотношениях с супругой.

– Вот так, Леня. Видимо, конец нашей семейной жизни, – заявил Станислав.

– Ты горячку-то не пори. Спокойно все обдумай.

– Да тут думать уже совершенно не о чем. Разбилась любовь, не склеишь.

Быков вздохнул и заявил:

– Знаешь, Стас, как говорится, чему быть, того не мино-

вать. Но ты уверен, что тебе надо лететь в Сирию? Я могу переговорить с командиром полка, чтобы все это не выглядело отказом из-за банального нежелания подвергать себя риску. Я возглавлю основной экипаж, а на место командира резервного офицер найдется быстро.

Иволгин покачал головой и произнес:

– Даже и не думай об этом. Для меня сейчас командировка как раз и есть самое то, что мне надо. Здесь оставаться тяжело. А там все же начнется боевая работа. Она отвлечет меня от всей этой дребедени.

– Но твое состояние?..

– А что мое состояние? Хреново, конечно, в душе, но это пройдет. Завтра с утра и растает, как в полк приду.

– Но мысли о Надежде все равно будут преследовать тебя, отвлекать от решения боевых задач, а не наоборот.

– Ничего, прорвемся, Леня.

– Конечно, Стас. Вопрос лишь в том, как и куда именно мы с тобой прорвемся.

– Все будет нормально, товарищ.

– Ладно, в случае чего я смогу подменить тебя и на месте. В прихожей раздался звонок.

Офицеры переглянулись.

– Может, это Надя вернулась? – сказал Быков.

– У нее есть ключи. Хотя нет, она их оставила дома.

Иволгин прошел в прихожую, открыл дверь и увидел сержанта Буренко, механика-водителя основного экипажа.

– Привет, командир! – заявил тот.

– Миша, привет! Ты проходи.

Сержант вошел в прихожую, снял обувь, шагнул на кухню, поздоровался с Быковым.

– Водку будешь? – спросил Иволгин.

– Нет.

– Чего тогда пришел?

– Слышали, как Рома Рябинин залетел вчера? Вернее, этой ночью.

Быков изрядно удивился и спросил:

– Как это залетел? Они же с Ивасюком в общагу пошли.

– Пошли, да не дошли. Точнее сказать, Дима Ивасюк туда прибыл, а вот Рома к своей пассии намылился.

– Погоди-ка. Это к той самой официантке из офицерской столовой? – спросил Иволгин.

– Ну да, к Гальке Ланко. Она его напрочь отшила, вот Рома и решил выяснить отношения. А эта особа не одна живет. Их в хате трое. Еще связистка и медсестра. Жутко вредная баба. Она дверь и открыла, а Галька заявила, что видеть его не желает, ей спать пора. Рома решил прорваться к зазнобе, да медсестра стеной встала. Он отпихнул ее в сторону и в хату вломился. Короче, шум поднялся до небес. Связистка дежурному по части позвонила, а заступил, сами знаете, начпрод. Был бы кто из командиров рот, тихо замял бы это дело, а начпрод сдуру сразу командиру доложил. Нес какую-то чушь про попытку изнасилования едва ли не всех

трех этих красавиц сразу. Галаев отдал приказ начальнику караула метнуться туда кабанчиком вместе с солдатами и повязать сексуального маньяка. Так что Рома сейчас расслабляется на гауптвахте.

– Нате вам! – проговорил Быков. – Слишком уж весело начинается наша командировка. Теперь Рому наверняка из экипажа уберут.

– Уже не уберут, – сказал Иволгин. – Не успеют. Комдив вчера должен был дать команду своим штабистам готовить документы, да и наша строевая часть тоже до полуночи трудилась. К тому же Галаев у нас мужик с понятием. Докладывать наверх он не будет, пока сам не разберется. Чего это Рому понесло на хату к бабам? Не мог в столовой с Галькой поговорить?

Быков улыбнулся и заявил:

– Несчастливая любовь! Она сметает все на своем пути. Значит, говоришь, на губе старлей расслабляется?

– Его ночью доставили туда. В общаге он не появлялся, в роте тоже. Значит, до сих пор там сидит.

Иволгин поднялся и заявил:

– Надо идти к командиру полка.

– Ага, – сказал Быков. – Тебя-то как раз там и не хватает.

– А что делать?

– Ждать надо. Вызовет тебя Галаев, тогда и пойдешь. А нет, значит, командир полка сам все решит.

Тут опять раздался звонок в дверь.

Сержант посмотрел на Иволгина и спросил:

– Жена, командир?

– Хрен его знает. – Стас прошел в прихожую и вернулся на кухню с Рябининым. – Позвольте мне, господа, представить вам его благородие поручика Рябинина Романа Викторовича собственной персоной.

– Да ладно тебе, Стас. Ого, у вас водочка еще не откупорена. Я сто граммов выпью, чтобы опомниться. А то башка трещит как чугунный котелок, по которому колотят палкой. Хотя я и совершенно трезвый был.

– По заднице тебе палкой, а не сто граммов! – проговорил Быков. Обойдешься.

– Ну так хоть чаю дайте да хлеба кусок. Оголодал я на губе. Меня там почему-то не кормили.

Иволгин включил электрический чайник и сказал:

– Извини, взводный, не знал, что зайдешь, а то пирожками с мясом угостил бы.

– Но хлеб-то есть?

Иволгин подвинул к нему тот самый густо посоленный кусок хлеба, который приготовил для себя, достал сырую сардельку из холодильника.

Старший лейтенант выпил чай, перекусил, тут же повеселел и закурил. Пришлось Буренко открывать форточку.

– Нормально? – спросил подчиненного Иволгин.

– Теперь да. Сам не знаю, что за беда со мной приключилась.

– Такое с тобой впервые, Рома?

Рябинин ответил фразой, уже набившей оскомину:

– Все когда-то случается впервые.

– Давай рассказывай, как загремел на губу! – заявил Бу-ренко и пододвинулся к нему.

Рябинин посмотрел на товарищей и сказал:

– А что рассказывать-то, когда в башке дыра! Я и полови-ны толком не помню.

– Рассказывай что помнишь, – сказал Быков.

– Ладно. – Рябинин жадно затянулся сигаретой. – Короче, как пошли с Ивасюком до общаги, помню. До трансформа-торной будки дошагали, а там словно тумблер какой-то сра-ботал в голове. Полный провал, черная дыра до самого появ-ления караула. Я сам удивился, не понял, где нахожусь, по-чему тут солдаты. А Валька, медсестра, орет дурным голо-сом. Дескать, берите его, он нам дверь выломал, грязно до-могался. А дверь-то вроде целая. Тут начальник караула, Ко-ля Савостин из пятой роты, под руку меня берет и говорит, мол, пойдем, Рома. Ну я и пошел. Привели меня на губу, вы-делили постельные принадлежности. Я прилег и отрубился. Вот такие дела. Как я оказался на хате у Гальки? Зачем по-шел? Отшила она меня, вот я и психанул. Крышу сорвало.

– А как же ты, болезный, на свободу-то вышел? – спросил Иволгин.

– Дежурный по части, этот козел начпрод, командиру пол-ка о моих приключениях доложил. Галаев после развода

явился в караулку, врача с собой привел. Тот первым делом меня, конечно, на алкоголь проверил и сам обалдел, когда ни черта не нашел. Наш милый доктор начал бормотать что-то про частые стрессовые ситуации, недосып, сильное эмоциональное перевозбуждение. Галаев давай меня расспрашивать, что да как. Я все рассказал, что помнил. Он мне и говорит, твое счастье, дескать, что менять уже поздно. Это насчет командировки. Пошел на хрен отсюда! Вот я и свалил.

– Значит, командир полка оставил тебя в экипаже?

– Оставил.

Буренко спросил:

– А зазнобу свою видел?

– Видел, заходил в столовую по пути сюда. Галька губы надула, мол, опозорил ты меня на всю часть. Да, пожалуй, так оно и есть.

– Она же баба, – заявил вдруг Буренко. – Разве можно ее опозорить?

Рябинин гневно взглянул на сержанта и выдал:

– Ты, недоумок, за базаром следи! А то не посмотрю, что механик в экипаже, морду в момент отрихтую.

– Да я ничего. Это бабы в городке о ней всякое болтают.

– Больше слушай. Галька – нормальная баба. Да, одинокая, официантка, разведена. Ну и что? Она со мной любовь крутила, так женщине без мужика нельзя. Мне с ней хорошо было.

– Ты еще скажи, что женишься на ней.

– А может, я так и сделаю. Из нее жена что надо выйдет.

– Ага.

– Миша, не нарывайся!

Буренко на всякий случай отодвинулся от старшего лейтенанта.

Рябинин же сказал:

– Надо будет после обеда ее встретить, поговорить. До того времени она успокоится.

– Все, хорош! Что надо, узнали, – заявил Иволгин. Теперь давайте все по своим нормам, готовиться к отъезду. Завтра перелет, тяжелый день.

Буренко вздохнул и заявил:

– Чует мое сердце, в Сирии каждый день тяжелым будет.

Быков увидел в окно своего механика-водителя и проговорил:

– Вот!.. Берите пример с нормальных людей. Сержант Ступин с женой Настей и дочкой Наташей прогуливаются, идут к магазину за кефиром и карамельками.

– Хватит болтать! Расходимся! – довольно резко произнес Иволгин.

Офицеры и сержант пошли к выходу.

Рябинин сразу двинулся к офицерской столовой.

Времени до обеда оставалось достаточно. Галина после завтрака ушла домой и сейчас еще находилась там. Роман решил, что лучше встретить ее на улице. Обычно она приходила на работу где-то за час до начала обеда.

Так было и сегодня. Старший лейтенант еще издали увидел знакомую фигуру и мигом сорвал с клумбы у столовой цветы. У него получился очень даже неплохой букет. С ним он и пошел навстречу ей.

Женщина тоже увидела его, но отвела взгляд.

– Привет, Галя!

– Виделись уже. Извини, я спешу.

– Это тебе. – Старший лейтенант протянул ей букет.

– Иди, своему командиру подари.

– Да ты чего, Галя?..

– Зачем спрашиваешь? Я ведь сказала тебе, что между нами все кончено. Какого черта ты приперся на квартиру в первом часу ночи и устроил жуткий дебош? Мало про меня бабы гарнизона судачат?

– Так вышло. Я не хотел, честное слово. Сам не знаю, что на меня накатило.

– Знаешь, Рома, ты нормальный парень. С тобой было хорошо, но мне уже двадцать шесть лет. Я хочу иметь не любовника, а мужа.

– Но у тебя уже был муж. По-моему, семейная жизнь не особо пришлась тебе по вкусу. Не просто же так ты развелась.

– На то были свои причины. Мой бывший муж оказался еще тем подонком. Я была нужна ему лишь как прислуга. Он же мог позволить себе все. И гулянки в ночных клубах с проститутками, и секретаршу, которая каждый день раздвигала

ноги на его рабочем столе, и отдых на престижных курортах в обществе своих сотрудниц. А мне остались дом, кухня и телевизор. Ты смог бы так жить?

– Нет.

– Вот и я не смогла. Подала на развод, и муженек буквально выставил меня на улицу без копейки денег. Да еще сделал так, что я не могла устроиться на более-менее приличную работу. Вот только здесь приткнулась, да и то лишь благодаря подруге, у которой муж служит в штабе дивизии. Теперь я по крайней мере свободна. У меня нет гнетущего чувства, ощущения, что я птица, запертая в золотой клетке. Но дальше так, как у нас было, я тоже не хочу.

Рябинин выслушал ее и озадаченно проговорил:

– А мне казалось, что тебя все устраивает.

– Устраивало, Рома. Знаешь, вчера я подумала, не вернуться ли мне домой, в родное село. Там мама, брат с семьей, у него ферма. Дом большой.

– Ты что это, Галя? Зачем тебе в деревню?

– В село. Деревня и село – не одно и то же.

– Знаю, в селе есть церковь. Так это что же такое получается? Ты мне ультиматум ставишь? Мол, женись или я уеду! Так, да?

Женщина вздохнула и ответила:

– Нет. Я просто сказала, что не хочу больше быть любовницей. Мне рожать пора. А от кого? От тебя? Я бы с удовольствием, но одной поднимать ребенка как-то нет жела-

ния. Так что давай разойдемся по-хорошему. Ты молодой, перспективный, у тебя будет семья, любящая жена. В общем, все, что тебе надо.

– Значит, вот так, да?

– Я что-то неправильное сказала?

– Нет, все совершенно правильно. Только вот это решение ты приняла слишком уж быстро. Мы позавчера еще договаривались о встрече в квартире старшины моей роты, который уехал в отпуск и оставил мне ключи. Все было нормально, как обычно. Вчера ты меня вдруг отшила, а сегодня говоришь, дескать, не желаю больше быть любовницей.

– Как решила, так и будет. Пойду я. Ты не приходи больше к нам и не встречай меня.

– Что за полоса в моей жизни пошла? Кругом одна чернуха.

– Это тебе кажется. Для тебя ведь ничего особо не изменилось. В поселке много молодых девушек, женщин. Ты без труда найдешь если не жену, то хотя бы развлечение. Давай прекратим этот разговор. Мне действительно пора на работу.

– Ты, конечно, можешь делать все что хочешь, но прошу, не торопись уезжать в свое село, – проговорил старший лейтенант.

– Почему?

– Не торопись, подожди, пока я не вернусь из командировки.

– Из командировки?..

– Да. В Сирию.

У Галины широко открылись глаза.

– Куда? В Сирию?

– Да. Не справляются сирийцы без нас с головорезами из ИГИЛ. Мы им поможем, немножечко повоюем.

– Ты это серьезно?

– Куда уж серьезней. Завтра в полдень меня уже не будет не только в части, но и в стране. Ты бы не уезжала, пока не вернусь. Подумай об этом, пожалуйста.

– Значит, завтра?

– Да.

– Тогда забудь о том, что я тебе говорила. После ужина приду на квартиру старшины, – сказала Галина, взяла у Романа букет и пошла в столовую.

Рябинин смотрел ей вслед и думал:

«Да уж, женской логики нам, мужчинам, не понять хотя бы потому, что ее просто нет. То у них одно, то другое. То белое, то черное. И вообще, что это было? Попробуй разберись. Не хочу быть любовницей, желаю замуж. Давай закончим, разойдемся. Я уеду. Потом она узнает о командировке и тут же меняет тон. Мол, забудь обо всем, приду в квартиру.

Вообще-то, конечно, понять ее можно. Да и мне придется принять решение насчет того, как жить дальше. Хорошо хоть, что не сейчас. В Сирии у меня будет время на то, чтобы все эти проблемы хорошо обдумать».

Старший лейтенант закурил и двинулся к себе в общежи-

тие. Он решил, что на обед не пойдет, нет аппетита. На ужин тоже. Если что, есть тушенка из сухого пайка. Хлеб найдется у соседей.

А в восемь часов ему надо будет идти в квартиру старшины роты. Там сегодня наверняка произойдет что-то такое, чего раньше между ними не было. А там черт его знает. В голове у старшего лейтенанта бурлила какая-то каша.

Иволгин проснулся, когда за окном было уже светло. Жены в квартире не было. Она до сих пор на пикнике, в гостях у горячо любимого шефа?

Он прошел на кухню, достал сотовый телефон, нашел номер Надежды, нажал кнопку вызова. Ответ на это оказался, в принципе, вполне предсказуемым: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Вот так. Кушайте на здоровье.

Капитан перекусил, выпил кофе. Он ждал, что вот-вот раздастся звонок в дверь. Ладно, пусть, как и в прошлый раз, его побеспокоит дежурный по КПП. Stanislaw ходил из комнаты на кухню, беспрерывно курил, добил пачку сигарет. Жены не было. Он собрал тревожную сумку, поставил ее в коридоре, лег на диван, хотел еще немного подремать, но не смог.

Звонок в прихожей раздался около шести часов утра, когда на улице уже светило солнце.

Он открыл дверь.

Надежда, растрепанная, в шортах и мятой майке, под которой колыхались крупные груди, босиком ввалилась в квартиру и обдала любимого мужа дивным набором винных ароматов.

Она пошатнулась, бросила сумку, посмотрела на Станислава, поднесла палец к губам и прошептала:

– Только давай без скандала и глупых вопросов. Я иду спать.

– Ты не забыла, что я в полдень уезжаю?

Надежда сморщила лоб.

– Уезжаешь? А, ну да, конечно, помню, но все потом, не сейчас.

Она, держась за стены, с трудом добралась до своей комнаты и, не раздеваясь, упала на диван.

Вот, значит, и весь пикник.

Иволгина обуздала ярость. Он поднял руку, но вовремя опомнился. Нельзя бить женщину, даже такую дрянь!

Станислав прошел на кухню, достал новую пачку сигарет, открыл ее, опять закурил. Так он промучился еще три часа.

Потом Иволгин принял душ, оделся, забрал сумку. В девять утра он вышел из квартиры и направился в часть.

На журнальном столике осталась записка:

«Ну и стерва же ты! Надеюсь, когда я вернусь, твоего духа здесь не будет. Прощай».

Капитан с трудом, но все-таки взял себя в руки. Все же он был старшим группы, отправляющейся в Сирию, и отвечал

не только за себя.

Постепенно к Станиславу начали подтягиваться остальные члены группы. Первым явился задумчивый Рябинин, следом – бесшабашный Буренко. Второй экипаж пришел всем составом в одиннадцать часов.

В половине двенадцатого группа подошла к штабу. К ней вышел майор Дронов. Военнослужащие поприветствовали друг друга и прошли в кабинет для собраний.

Туда же пришел командир полка.

Он внимательно осмотрел офицеров и сержантов и заявил:

– Слава богу! Все наши герои вроде в порядке. – Подполковник повернулся к начальнику штаба и спросил: – Борис Степанович, что у нас с автобусом?

– Майор Кузнецов в парке. Он с ним занимается. Скоро должен подойти.

– Ну и ладно. Проводишь наших парней.

– Конечно, товарищ подполковник.

– Извините, но мне надо в штаб дивизии. Удачи вам в Сирии, ребята. Мы ждем вас живыми и невредимыми.

– Спасибо, товарищ подполковник, – за всех ответил Иволгин. – Вернемся, конечно. Куда ж мы денемся!

Командир полка пожал всем руки и ушел.

Ровно в полдень к штабу подъехал полковой «ПАЗ». Танкисты загрузились в него. На место старшего сел начальник

штаба.

Водитель повел автобус к контрольно-пропускному пункту. Ворота открылись. «ПАЗ» выехал на площадку, от которой шла дорога к шоссе. Поселок Анинск оставался справа от нее.

На этой площадке стояли жены Быкова и Ступина с детьми. Они пришли проводить мужей и отцов, которые на пару минут вышли к ним из автобуса.

Иволгин посмотрел на них, тяжело вздохнул и отвернулся. Ему вспомнилась собственная жена.

До аэродрома они ехали час.

В 13:05 «ПАЗ» остановился у огромного «Ил-76». Рампа была открыта. Через нее на борт въезжали бронемашины, заходили люди в форме и в штатском, среди них несколько женщин.

Начальник штаба полка прошел к командиру экипажа, который со стороны наблюдал за погрузкой.

– Приветствую вас, майор! – сказал он.

– Взаимно.

– Начальник штаба танкового полка майор Дронов.

– Майор Иванов, командир этой вот ласточки. – Пилот указал на самолет.

– Я своих ребят привез.

– Понял уже. – Летчик открыл планшет, что-то посмотрел в нем, кивнул и заявил: – Пусть загружаются, как говорится, в порядке живой очереди.

– Когда вы будете в Хмеймиме?

– А вот такие вопросы задавать не принято, майор. Надо еще долететь. По плану прибытие у нас в восемнадцать тридцать по московскому времени. По местному на час позже. Летим через Иран, поэтому время в пути увеличивается. Через Турцию быстрее бы вышло, но такой маршрут был определен командованием.

– Долго.

– Ничего. Если все удачно сложится, то прибудем на место засветло, как раз к ужину. Но, повторяю, до места еще долететь надо.

– Понятно.

Начальник штаба посмотрел на своих танкистов, вышедших из автобуса, перевел взгляд на самолет. Очереди там уже не было.

Он подошел к подчиненным и сказал:

– Давай, парни, на борт! Удачи вам! Возвращайтесь.

Люди капитана Иволгина поднялись на борт, устроились на скамейке справа, напротив броневедомоуля «Тигр», надежно закрепленного в грузопассажирском салоне.

– Сколько лететь будем? – спросил Буренко.

Быков усмехнулся и ответил:

– Как взлетим, Миша, выйдет стюардесса в короткой до неприличия фирменной юбке и белоснежной рубашке, с огромным бюстом. Вот она-то и расскажет нам о полете. По-

том ты, настоящий ВИП-пассажир, сможешь попросить ее принести шампанского и обязательно плед, чтобы ноги прикрыть.

– Ага! Дождешься.

– Хрен его знает, сколько лететь, – сказал Ивасюк. – Я по компу смотрел расстояние от Москвы до Хмеймима. По прямой выходит где-то две тысячи двести шестьдесят километров, может, немного больше. Крейсерская скорость нашего самолета – около восьмисот километров в час.

– Меньше трех часов получается.

– Было бы меньше, но прямой маршрут лежит через Украину. Сам понимаешь, что над ней мы точно не полетим. Значит, будет крюк. Так что можем и четыре часа добираться. Впрочем, какая разница? Главное, прибыть на место.

– Вот и я о том же, – сказал Буренко. – Что-то в последнее время опасаюсь я этих самолетов. Раньше садился в «Ту-154» спокойно, сейчас предпочитаю поезд. На нем-то уж точно доедешь до дома.

– Это называется аэрофобией. От нее лечение проходить надо.

Тут подал голос Иволгин:

– Ерунда все это. Самолет может грохнуться на землю, поезд – сойти с рельсов. Если человеку суждено умереть от старости или пули, то он не утонет и не разобьется ни на самолете, ни на машине, ни на поезде. А если кому свыше предписано склеить ласты в результате аварии, то он и на

велосипеде может угодить в могилу.

– Спасибо, Стас. Ты меня успокоил, – заявил Буренко и вздохнул. – Кабы еще бы знать, кому что суждено.

– Не за что меня благодарить. Ты не разобьешься на самолете. Да и все мы, скорее всего, тоже. У нас, танкистов, хватает иных возможностей загнуться. Но все, хорош базарить. Не слышно ни черта.

К этому моменту разговаривать действительно стало труднее из-за шума двигателей, которые начали разгонять пилоты. Самолет вздрогнул, покатился по рулевой дорожке.

Буренко и Ступин смотрели в иллюминаторы.

«Ил-76» прошел какое-то расстояние, дважды повернул и остановился. Последовала короткая пауза, после которой взревели двигатели, вызывая легкую вибрацию всего корпуса. Разбег оказался коротким. Через минуту транспортник оторвался от бетонки, задрал нос, начал набор высоты и скорости.

Иволгин посмотрел на часы.

– Четырнадцать ноль пять, – сказал он. – Идем по графику, учитывая время рулежки и разбега.

Пару часов полет продолжался спокойно. Мерно гудели двигатели, за иллюминаторами виднелись сплошные белые облака, светило яркое солнце. Затем что-то изменилось, самолет стал снижаться, отворачивать влево. За бортом заметно потемнело.

– Мы вроде бы должны без промежуточной посадки ле-

теть, а почему-то снижаемся. Может, неисправность какая возникла? Вроде как двигатели по-другому воют, с каким-то надрывом, – проговорил Буренко.

Ступин, задремавший и разбуженный товарищем, сказал:

– Да успокойся ты. Летуны знают, что делать.

– Конечно, знают. А если сломалось что-то?

– Тогда самолет скоро врежется в землю, и нас торжественно похоронят на Аллее Славы в Анинске. Даже взвод назначат для прощального салюта. Оркестр гимн сыграет.

– Да пошел ты!.. Шуточки у тебя дурацкие.

– Что вы там загалдели? – спросил Иволгин.

Буренко пересел к нему и сказал:

– Видите, товарищ капитан, как темно за иллюминатором.

Турбины воют как-то странно. Мы почему-то снижаемся.

– Не только снижаемся, но и уходим в сторону. И что?

– Как бы не того!..

– Что не того?

– Не грохнуться.

– Не волнуйся. Ты в любом случае выживешь.

– Это почему?

– Догадайся сам.

– Да ну вас всех! – заявил Буренко, сел на свое место, обреченно вздохнул и уставился на корпус бронемашины «Тигр».

Из кабины пилотов вышел член экипажа, прошагал по грузовому отсеку, посмотрел показания приборов у борто-

вой двери, что-то переключил. Все его движения были спокойными и уверенными.

Он посмотрел на пассажиров, понял, что некоторые из них изрядно испуганы, улыбнулся и проговорил:

– Не волнуйтесь, товарищи. Мы пытаемся обойти обширный фронт грозовых облаков. Если сделать это не удастся, то нас немного потрясет. Вашей безопасности ничего не грозит. Это штатная ситуация.

Услышали слова пилота и танкисты.

Ступин посмотрел на Буренко и заявил:

– Ну вот! Штатная ситуация.

– Летуны всегда пассажиров успокаивают. Им так положено.

– Да, не знал я, что можно так бояться.

– Я всего лишь опасаюсь.

Тут самолет довольно сильно тряхнуло, и за иллюминаторами сразу же началось светопреставление. Молнии сверкали совсем рядом с самолетом. Он то поднимался, то проваливался в воздушные ямы. В салоне погас свет. Замигала красная лампочка над дверью пилотской кабины.

– Вот вам и штатная ситуация! – воскликнул Буренко. – Попадет молния в корпус, сгорит электроника, и все, прилетели. Господи, спаси и сохрани!

– Жаль, памперсы ты не взял. Они бы тебе, Миша, сейчас ой какгодились бы, – заявил Ступин.

– Отвали!

Тряска и вспышки за иллюминаторами прекратились так же неожиданно, как начались. Самолет начал набор высоты. Какое-то время темнота за бортом сохранялась. Затем вновь засветило солнце, внизу появилось безграничное облачное поле. Включился внутренний свет.

Ступин настроился достать Буренко, но его осадил Быков:
– Коля, прекращай! Грех смеяться над больным человеком.

– Посмотрю я на тебя в Сирии, когда нам боевые задачи решать придется, – проговорил Буренко.

– Отставить разговоры! – заявил Иволгин. – Всем отдыхать. Никто не знает, что нас ждет ночью. Мягкая постель в уютном модуле или марш по пустыне.

В связи с отклонением от курса «Ил-76» вышел к базе Хмеймим с отставанием от графика. В 19:47 его шасси коснулось бетонки. Самолет пробежал немного больше километра и остановился у центра управления полетами. Медленно открылась рампа.

Член экипажа вышел в грузопассажирский отсек и распорядился:

– Выход через рампу. Сперва люди, потом выгрузка техники. Начали!

Танкисты загружались на борт последними, поэтому вышли на бетонку первыми.

Быков посмотрел на друзей и заявил:

– А здесь не так жарко, как я думал. И тридцати градусов не будет.

– Какие тридцать? – воскликнул оживший Буренко. – Тут и двадцати пяти нет.

– Да закончите вы ненужные споры! – потребовал Иволгин. – В полете надоели.

Сержанты замолчали.

К танкистам подъехали микроавтобус и «Тигр».

Из броневедомоля выбрался человек в тропической форме, подошел к группе.

– Я заместитель главного военного советника в Сирии, полковник Веденко Анатолий Иванович, – представился он и спросил: – Кто из вас капитан Иволгин?

– Я, товарищ полковник, – ответил Станислав.

– Очень приятно. – Полковник поприветствовал всех танкистов, указал на микроавтобус и сказал: – Это для вас. Загружайтесь. Сначала проедем в столовую, где вы поужинаете. Затем отправимся в модуль. Там проведете ночь.

– Из этого следует, что сегодня мы остаемся на базе, – сказал Иволгин и осведомился: – Надолго, товарищ полковник?

– А что, не терпится в бой? – с улыбкой спросил заместитель главного военного советника.

– Не сказать, что не терпится, но и находиться в неведении не хочется.

– Задачу я вам поставлю завтра. Прошу в микроавтобус. Офицеры и сержанты проехали в столовую. Там они сразу

же убедились в том, что кормили на базе гораздо лучше, чем у них в гарнизоне.

Приятно удивил танкистов и модуль, разделенный на отсеки, рассчитанные на три человека. В них было все, что необходимо для нормальной жизни. Туалет, душевая кабина, кухонный, гостевой и спальный блоки. В гостевом стояли диван, два кресла, небольшой столик, на стене висела панель плазменного телевизора.

Иволгин указал на нее и осведомился:

– Работает?

– Здесь, капитан, работает все, – ответил полковник.

– А мобильная связь? – поинтересовался Быков.

– Желаете позвонить близким? – спросил Веденко.

– Так точно!

– И мобильная связь есть, но только тогда, когда в воздухе нет самолетов. Во время полетов средства радиотехнического обеспечения создают сильные помехи.

– Сейчас вроде не летают.

– Да, – подтвердил полковник. – На сегодня пилоты свои задачи выполнили. Но из модуля звонить не советую. Лучше выйти из здания.

– Понял. Так и сделаю.

– Завтрак для вас в восемь ноль-ноль. Где столовая, надеюсь, запомнили. На довольствие вы поставлены, так что смело идите туда. В девять часов постановка задачи в моем кабинете. Я встречу вас после завтрака и проведу в штаб, –

проговорил полковник. – Вопросы ко мне?

– Танки экспортного исполнения или обычные? – поинтересовался Иволгин.

– Обычные, – ответил полковник.

– Мы будем подчинены сирийскому командованию?

– Об этом завтра.

– Понятно. У меня больше вопросов нет.

Полковник посмотрел на остальных танкистов.

– Нет никаких вопросов, – заявил Ивасюк.

– Тогда честь имею! – сказал Веденко и ушел.

Танкисты вышли на площадку перед модулем, где в отличие от их полка имелась действующая курилка. Они сели на скамейки, курящие задымили.

Быков ушел за здание, звонить жене. За ним потянулся Ступин.

– А что? Здесь очень даже неплохо. Чистенько, аккуратно, кондиционеры работают. Спутниковое телевидение наверняка показывает западные каналы. Да и температура терпимая, всего-то градусов двадцать, – проговорил Рябинин.

– Восемнадцать, – уточнил Ивасюк. – У входа термометр висит. Я посмотрел.

– У нас под Москвой жарче. А говорили, что тут настоящее пекло.

Иволгин бросил окурок в центр курилки, в бочку, закопанную в землю.

– Это здесь. Южнее теплее. И чем дальше, тем круче, –

произнес он.

– Интересно, куда отправят нас? Я бы не прочь и тут перекантоваться, – заявил Ивасюк.

– Завтра узнаем, – сказал Иволгин, встал и распорядился: – Все, парни! По отсекам. Душ, телевизор, отдых, отбой в двадцать два часа. Никакого брожения по базе. Мы на боевом выходе. Об этом надо помнить всегда.

Глава 3

Двадцать восьмого июля танкисты встали в семь утра. Иволгин побрился, принял душ и вышел на улицу, в курилку. Через сорок минут танкисты отправились в столовую.

По пути Иволгин спросил Быкова:

– Дозвонился вчера?

– Да. Скажу тебе, что связь была очень даже неплохой. У нас в Подмоскowie она иной раз гораздо хуже.

– Как там Света, Егор?

– Еще не осознает, что я так далеко от нее.

– Ничего, привыкнет. Про... мою не говорили?

– Нет, – ответил Быков.

Он не хотел огорчать Станислава. На самом-то деле Света сказала ему, что за Надеждой вновь приезжал мужчина на внедорожнике. В это время жена Быкова находилась рядом с КПП и увидела все это.

– Сам понимаешь, Стас, не до того.

Иволгин кивнул.

– Понимаю, конечно.

– А почему ты не позвонил?

– Не хочу.

Группа подошла к столовой, у которой прогуливался полковник Веденко.

Он поприветствовал танкистов и сказал:

– Так складывается, что я не могу ждать вас. Посему после завтрака следуйте в штаб. Дежурному скажете, что ко мне, дневальный проводит до кабинета. Я должен кое-кого встретить.

– Понял вас, товарищ полковник, – ответил Иволгин.

После завтрака группа прошла в штаб. Дежурного не было. Его помощник вызвал дневального, который провел офицеров и сержантов на второй этаж, где находился кабинет заместителя главного военного советника. Иволгин постучал, приоткрыл дверь и спросил:

– Разрешите, товарищ полковник?

Веденко сидел за столом совещаний в компании еще троих офицеров. Один из них был в сирийской форме.

– Да, проходите, – ответил полковник.

Офицеры, находившиеся в кабинете, встали. Веденко представил их танкистам. Это были военный советник майор Петренский Андрей Васильевич, командир экипажа вертолета «Ми-8» капитан Егоров Павел Сергеевич и начальник штаба сирийского танкового батальона капитан Хамид Кальма.

После взаимного приветствия все кое-как разместились за небольшим столом.

Полковник Веденко взглянул на Иволгина и спросил:

– У вас в группе, капитан, все здоровы?

– Так точно!

– Готовы к решению поставленных задач?

– Странный вопрос, товарищ полковник. Конечно готовы.

– Хорошо, тогда слушай приказ. – Веденко разрешил участникам совещания сидеть.

Они просто не смогли бы встать, не опрокинув стулья.

Сам полковник поднялся и проговорил:

– Танковой группе в составе двух экипажей на вертолете капитана Егорова убыть в расположение отдельного сирийского танкового батальона, который дислоцируется у поселка Мустан. Это в двадцати километрах западнее города Хомс. Расстояние от базы до места дислокации батальона составляет сто сорок километров. «Ми-8» за час доставит туда вас, капитана Хамида Кальма и майора Петренского. Далее выполнение задач, которые будут определены командиром батальона майором Ахмадом Маси совместно с советником майором Петренским. Скажу сразу, легкой прогулкой данная командировка не будет. Придется вам, товарищи танкисты, повоевать, поддержать наших сирийских друзей. – Полковник взглянул на начальника штаба танкового батальона и спросил: – У вас, капитан, есть что сказать экипажам?

– Так точно, товарищ полковник! – Сирийский капитан попытался встать, но был остановлен жестом Веденко. – Однако считаю, что это целесообразней сделать в батальоне.

– Хорошо. Прикрытие вам обеспечит «Ми-24». Вылет в десять ноль-ноль. Прошу не забывать, что вы здесь представляете не только российские танковые войска, но и все наше

государство. Надеюсь, вы успешно решите все поставленные задачи. Вопросы ко мне есть?

Иволгин поднял руку.

– Да, капитан?

– Экипировка, оружие?.. – осведомился Станислав.

– Все на месте, в батальоне.

Майор Петренский добавил:

– Это на мне, капитан.

– Вопросов больше нет.

– Майору Петренскому остаться, остальных не смею задерживать. Удачи!

Выйдя из здания, Иволгин обратился к начальнику штаба сирийского танкового батальона, который неплохо говорил по-русски:

– Капитан, у меня вопрос.

– Да, конечно. Можете обращаться ко мне по имени, Хамид. Не имею ничего против и общения на «ты».

– Хорошо. Давай так, Хамид. Вы получили четыре «Т-90»?

– Да.

– Экипажи?..

– Два наших, которые готовились в подмосковном учебном центре.

– Где конкретно?

– Насколько помню, у поселка то ли Гуново, то ли Гупово.

Иволгин кивнул и уточнил:

– Груново. Полигон Груны. Мы его так называли. Как оцениваешь уровень подготовки своих экипажей?

Сирийский капитан улыбнулся и ответил:

– Конечно, они далеко не такие профессионалы, как вы, но подготовлены неплохо. Насколько я могу судить, лучше других экипажей. У нас ведь, как у вас говорят, с техникой сборная солянка. Есть «Т-72» и «Т-62». Вот сейчас получили взвод «Т-90». На него у нас особые надежды и планы.

– Ваш батальон уже решал сложные боевые задачи?

– В основном мы поддерживаем пехоту, выделяем на это от одного танка до роты. Сейчас наша дивизия ведет наступление на Байар. Когда-то это был цветущий город. Теперь боевики превратили его в самую настоящую крепость. Вторую неделю не можем не только взять, но и даже вплотную подойти к реке, на берегу которой он стоит. Поэтому крупное бандформирование полевого командира Ибрагима аль-Зара и сегодня имеет возможность получать боеприпасы, продукты.

– А что, так сложно ликвидировать переправу? – спросил Иволгин.

– Да, очень сложно, капитан. Мы не смогли подойти к ней ближе десяти километров с обеих сторон реки. Боевики организовали там эшелонированную оборону, подходы густо заминировали. Несколько попыток прорваться закончились большими потерями. Поэтому нам пришлось оставить эту

затею.

– А наши ВКС что делали?

– Применение авиации исключено.

– Это почему?

– Аль-Зар в Байаре держит в заложниках до пятисот человек гражданского населения. Это официальные цифры. На самом деле сугубо мирных граждан в городе гораздо больше. По нашим данным, полученным от нескольких человек, сумевших сбежать из города, там у боевиков до тысячи заложников.

– Но переправа-то не в самом городе.

– Верно, однако аль-Зар хитер и коварен. Когда к противоположному берегу подходят колонны с боеприпасами и продуктами, в которых тоже есть заложники, этот пес на каждый понтон, плот, в любую лодку сажает женщин и детей.

– Понятно.

– Вот так. Подходили штурмовики «Су-25» и вертолеты «Ми-24», кружили и не атаковали ни разу. Ваши летчики, в отличие от американцев, не бомбят и не обстреливают такие цели, где есть заложники. Наши пилоты поступают точно так же.

Иволгин закурил, угостил и капитана. Тот с удовольствием принял сигарету.

– Значит, мы будем пробивать оборону противника у этого самого Байара? – спросил Станислав.

– Конкретную задачу мы обсудим в штабе батальона. Се-

годня командир в дивизии согласовывает план предстоящих действий. Вечером узнаем, что будем делать. Возможно, попытаемся выйти на тот берег и заблокировать город. Слишком дорого даются дивизии попытки овладеть им.

– Ясно.

– Кстати, у нас в батальоне медицинской частью руководит ваша землячка.

Иволгин посмотрел на сирийского капитана и спросил:

– В каком смысле?

– В прямом. Это Ольга Русанова, по образованию хирург. Ее очень ценят у нас. Врач, как говорится, от бога, многих наших раненых подняла на ноги.

– А как она оказалась у вас? Прикомандирована?

– Нет. Байар игиловцы взяли в прошлом году, когда ваша авиация больше была занята в районе Алеппо. Ольга Владимировна тогда работала в больнице города.

– Замужем за сирийцем?

– Нет. Точнее, там было так. Ее родная сестра, старшая, была замужем за сирийцем. Ольга Владимировна прилетела из России проведать ее. Это еще до большой войны произошло. Она задержалась. В больнице в то время оставался один хирург, он не справлялся. Ну а потом, когда игиловцы как саранча стали захватывать территории, улететь уже не смогла. Она выехала из Байара вместе с семьей сестры. Колонна беженцев попала под обстрел боевиков. Сестра, муж и двое их детей погибли. Ольга Владимировна чудом выжи-

ла, как-то сумела пробраться к позициям правительственной армии. Она могла через Дамаск вернуться в Россию, но решила остаться. Так сказать, продолжить дело сестры. Ее сначала направили в госпиталь, затем – в дивизионный медсанбат. Ну а потом, когда был сформирован наш батальон, она попала к нам.

– Да уж, – проговорил Иволгин. – Не самая веселая история.

– Конечно, – согласился Кальма. – Печальная и в то же время поучительная. Показывающая дух русских людей.

– Ну да. А сколько танков в батальоне?

– «Т-62» – двадцать шесть, десять – «Т-72». А теперь еще и четыре «Т-90».

– Сорок танков, полноценный батальон. Часть в поле стоит?

– Нет, на окраине поселка Мустан. Раньше там дислоцировался инженерно-саперный батальон, теперь наш, танковый.

– Значит, есть и казармы, и дома офицерского состава.

Капитан вновь улыбнулся и заявил:

– У нас есть все, что должно быть в настоящей части. И штаб, и казармы, и военный городок. Столовая, склады, парк боевых машин.

– В общем, все так, как и положено, да?

– Да, но это у нас. Три механизированных полка нашей дивизии рассредоточены непосредственно у Байара. Там же

стоят артиллерийский дивизион и реактивная батарея. Роты тылового обеспечения находятся при штабе дивизии. У нас в полках по шестьсот-восемьсот человек. В батальонах по десять-двенадцать боевых машин пехоты. Только мы укомплектованы по полному штату. Еще вопросы ко мне есть, капитан?

– Пока нет. Что хотел на данный момент, то я уже узнал.

– Тогда пойдем к вертолетной площадке.

Иволгин посмотрел на часы. Было 9:40.

– Да, пора уже, – сказал он.

Танкисты, отдыхавшие в тени густых деревьев, двинулись следом за сирийским капитаном и Иволгиным к вертолетной площадке. На ней стоял «Ми-8». Двигатель уже был запущен. Несущий винт медленно вращался.

Командир экипажа ждал своих пассажиров у выставленного трапа, отошел в сторону, указал на открытую дверку и заявил:

– Прошу, господа. Карета подана.

Офицеры и сержанты поднялись на борт. Там находились сирийские солдаты, небольшое пополнение, прошедшее подготовку здесь, на базе Хмеймим. В основном это были ремонтники.

В 9:50 подошел военный советник майор Петренский и тоже устроился в пассажирской кабине вертолета.

Через десять минут «Ми-8» поднялся в воздух и взял курс

на город Хомс, западнее которого находился поселок Мустан, конечный пункт полета.

Спустя несколько минут танкисты в иллюминатор увидели «Ми-24». Он шел чуть выше, в стороне, синхронизировав скорость с «Ми-8». На подвеске контейнеры с неуправляемыми авиационными ракетами. Впрочем, они были установлены и на подкрылках транспортного вертолета.

Когда танкисты загружались на борт, все они чувствовали себя нормально. Но через полчаса полета лицо Рябинина покрылось испариной, хотя в грузовом отсеке было не жарко. Старший лейтенант весь как-то поник, часто кашлял.

Иволгин подсел к нему и спросил:

– Что с тобой, Рома?

– Черт его знает. Вчера был в порядке, с утра вроде тоже ничего, только слабость какая-то появилась. Думал, пройдет, ан нет. Сейчас дыхалку словно перекрыло, нос забился, кашель бьет. Да и жарко мне, командир.

Иволгин приложил руку ко лбу наводчика-оператора.

– Да у тебя температура, Рома.

– Seriously?

– Куда уж серьезней. Причем температура высокая.

– Весьма кстати!

– Где ты умудрился простудиться?

– Галка подкашливала, в нос то и дело лекарство какое-то капала, когда я в крайний раз с ней был. Мог от нее заразиться.

– Да, именно этого нам как раз и не хватало. Придется тебя в медсанчасть сирийского батальона отряжать.

– Само пройдет, командир.

– Это врач определит. Кстати, медсанчастью у сирийцев заведует наша землячка.

– В смысле?..

– Русская женщина. Хирург. Это долгая история. В санчасти ты все узнаешь, если захочешь.

Начальник штаба сирийского батальона увидел, что с одним из российских офицеров происходит что-то неладное, подсел к ним и спросил:

– У вас проблемы, господа?

Иволгин указал на Рябинина и произнес:

– Да вот приболел старший лейтенант.

– Плохо. Он же наводчик основного экипажа, не так ли?

– Да. Заменить его можно легко, а вот как здоровье поправить?

– Ольга Владимировна быстро на ноги поставит. Значит, сразу по прибытии старшего лейтенанта в санчасть отправить?

– Да.

Весть о заболевании Рябинина распространилась среди всех пассажиров вертолета. Иволгин посоветовал им держаться подальше от страдальца. Кто знает, что за болезнь зацепил Рябинин. Ладно, если простуда, привезенная из России, а вдруг какая-нибудь местная зараза?

Вертолет тем временем сбросил скорость, начал снижение. «Ми-24» сопровождения, наоборот, поднялся и встал в круг, сканируя местность у поселка Мустан. «Ми-8» же в 11:02 мягко опустился на бетон.

Начальник штаба батальона тут же связался с санчастью.

Как только танкисты и пополнение выгрузились, к вертолету подошла миловидная женщина лет тридцати с шикарными черными волосами, уложенными в скромную прическу.

Она поприветствовала офицеров и сержантов, взглянула на начальника штаба и спросила:

– Где больной, Хамид?

– Да вот он, милая дама, – ответил капитан Иволгин и указал на Рябинина. – Что-то расклеился.

Женщина сказала просто, без всякого намека на кокетство:

– Я, товарищ капитан, здесь не милая дама, а доктор Русанова.

– Но вы действительно очень красивы.

Женщина отчего-то вздохнула, подошла к Рябинину и спросила:

– Вы сами до санчасти дойти сможете? Это недалеко.

– Конечно смогу. Не на носилках же меня туда тащить, – заявил Роман и закашлялся.

Русанова повернулась к Иволгину и осведомилась:

– Кто проводит вашего офицера?

Иволгин кивнул на механика-водителя Буренко и сказал ему:

– Ступай, Миша, с доктором и Ромой. Я решу вопросы с обустройством и подойду.

– Есть, командир!

Доктор, Рябинин и Буренко пошли по тенистой аллее, в конце которой виднелось старое одноэтажное здание.

К Иволгину подошел советник и спросил:

– Не успели прибыть в часть и уже понесли потери, да, капитан?

– Да какие потери, товарищ майор? Простудился наводчик. Сделают ему пару уколов, выпьет таблеток и будет в норме.

– Не скажи. Тут можно такую болезнь поймать, о которой в России и не слышали. Будем надеяться, что это всего лишь простуда.

Командир экипажа «Ми-8» сдвинул блистер и спросил:

– Вы разгрузились, парни? Я могу возвращаться?

Советник махнул ему рукой и сказал:

– Давай, Паша. Спасибо тебе. Счастливого полета.

– Тогда от винта!

Офицеры и сержанты сошли с площадки.

Вертолет разогнал винт, а с ним и облако пыли. Он оторвался от бетонки, с небольшим креном и набором высоты двинулся в обратный путь. Его прикрывал «Ми-24», кру-

живший в небе.

К начальнику штаба подбежал солдат, что-то доложил, выслушал какое-то распоряжение и унесся обратно.

Начальник штаба повернулся к россиянам и проговорил:

– Так, парни, сейчас пройдем в дом, который оборудован для приема командования и советников, в общем, дорогих гостей. Я покажу вам ваше временное пристанище. Командир батальона позвонил дежурному, сообщил, что будет здесь около двадцати часов. Поэтому совещание у нас начнется после ужина. Пока устраивайтесь, отдыхайте.

– Нам надо бы технику посмотреть, – сказал Иволгин.

Капитан Кальма улыбнулся и заявил:

– Узнаю русских. Конечно. Но сначала устройтесь, отдохните. Потом заместитель по вооружению покажет вам танки. На совещании познакомьтесь с нашими экипажами «Т-90». Впрочем, не думаю, что майор Маси, командир батальона, привезет какую-то срочную задачу. Значит, все остальные дела, кроме совещания, можно перенести и на завтра. Но посмотрим попозже.

Тут голос подал сержант Ступин:

– А у вас ничего, настоящая войсковая часть. Духи наверняка о ней знают.

– Духи – это боевики?

– Да, боевики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.